

ГЕНДЕР И СЕМЬЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.08

Правильная ссылка на статью:

Онегина Е. В. Конфликты и солидарности ЛГБТК сцены в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 179—192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.08>.

For citation:

Onegina E. V. (2019) Conflicts and solidarities of the LGBTQ scene in St Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 179—192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.08>.

Е. В. Онегина КОНФЛИКТЫ И СОЛИДАРНОСТИ ЛГБТК СЦЕНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

КОНФЛИКТЫ И СОЛИДАРНОСТИ ЛГБТК СЦЕНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*ОНЕГИНА Елена Вадимовна — стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; аспирантка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: elena.onegina@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3084-3549>*

Аннотация. В современной России наблюдается усиление проблематизации ЛГБТК-сообществ и гендерно «неконвенциональных» идентичностей в медийном пространстве и почти

CONFLICTS AND SOLIDARITIES OF THE LGBTQ SCENE IN ST PETERSBURG

*Elena V. ONEGINA^{1,2} — Research Assistant, Postgraduate Student
E-MAIL: elena.onegina@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3084-3549>*

¹ National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Modern Russia shows increased problematization of LGBTQ communities and non-conventional gender identities in media and their almost complete exclusion from public space.

полное исключение их из публичного пространства. Тем не менее проведенное исследование показало, что ЛГБТК-активисты солидаризируются перед лицом символического, психического и физического насилия и принуждения как со стороны государства и социальных институтов, так и со стороны гомофобно настроенного населения. Эмпирическую базу составили 14 интервью с представителями ЛГБТК и включенное наблюдение. В рамках сценного подхода акцент делается не только на акторах и практиках в рамках сцены, но и на пространстве, где происходят взаимодействия. Автор приходит к выводу, что ЛГБТК-сцена в Санкт-Петербурге представляет собой гетерогенное пространство организаций, инициатив, мест, направленных на различные группы людей с «неконвенциональной» сексуальной и гендерной идентичностью. ЛГБТК-сцена конституируется скорее через рефлексивное, зачастую конфликтное обсуждение принципиальных для сообщества вопросов статуса сексуальности, публичных акций, власти и иерархии, а также новых сексуальных и гендерных идентичностей.

Ключевые слова: гендерные идентичности, исследования молодежи, современная Россия, качественная методология, современные молодежные сцены

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках научного проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: анализ инновационного молодежного активизма в Европе и России», реализованного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2018.

However, the present study reveals that LGBTQ activists are solidarizing faced with symbolic, psychological and physical violence and pressure by the state, social institutions and the homophobic population. The empirical basis of the study is 14 interviews involving LGBTQ people and the overt observation. The scene approach highlights not only actors and practices within the scene but also the space where interactions take place. The author concludes that the St Petersburg LGBTQ scene represents heterogeneous community of organizations, initiatives, venues targeted at different groups of individuals with non-conventional sexual and gender identities. The LGBTQ scene is more likely to be seen as a reflexive, argumentative discussion of the most important community issues related to gender status, public actions, authorities, hierarchy and sexual and gender identities.

Keywords: gender identities, youth studies, modern Russia, qualitative methodology, modern youth scenes

Acknowledgments. The paper is part of the project “Promoting the youth participation and social inclusion: analysis of innovative youth activism in Europe and Russia” implemented within the NRU HSE 2018 Fundamental Research Program.

Введение

В России наблюдается продвижение идеологии, частью которой является строгое регулирование гендера и сексуальности. На этом фоне усиливается проблематизация ЛГБТК-сообществ и гендерно «неконвенциональных» идентичностей в медийном пространстве. Дискурсивно создаются определенные модели «правильного» сексуального поведения и семейной жизни, например, образ гетеросексуальной, брачной, многодетной семьи, где секс и сексуальность сводятся к репродуктивным функциям. Провоцируется паника относительно проявлений сексуальности, выходящей за пределы «нормативной» модели. Вместе с тем демократические ценности, в том числе ценности толерантности и гендерного равенства, оцениваются на уровне федеральных СМИ как западные (чуждые российскому менталитету и образу жизни). В современном российском контексте такие ценности определяются как противоположные «традиционным русским ценностям» и воспринимаются в качестве возможной угрозы для будущего России и российской молодежи.

Эта идеология поддерживается российским законодательством. В 2013 г. Владимир Путин подписал закон № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». Данный закон запрещает информирование несовершеннолетних о «нетрадиционных сексуальных отношениях» и их равенстве с «традиционными». Закон прямо запрещает высказываться о негетеросексуальности только там, где предполагается наличие несовершеннолетних, это косвенно повлияло на риторику упоминания о представителях ЛГБТК. Несмотря на определенное влияние консервативного поворота, в публичном пространстве заметно актуализируются дискуссии о сексуальности, телесности, о гендерных идентичностях для широкой аудитории.

Если политику СССР в отношении представителей ЛГБТК можно определить как политику замалчивания, современную политику российского государства можно охарактеризовать как политику исключения [Шульга, 2014]. Российское государство представляется как гетеросексуальное, официальная риторика стремится исключить всех негетеросексуальных граждан из понятия «гражданин» [Stella, 2007]. В результате представители ЛГБТК-становятся стигматизированной социальной группой как на уровне дискурса, так и на уровне практик.

Но в то же время принимаемые властями запреты стали своего рода стимулом для объединения ЛГБТК-активистов в сообщества для совместного действия [Созаев, 2010; Лапина, 2014; Kelly, Lubitow, 2014; Соболева, Бахметьев, 2014]. За последние годы выросло число онлайн- и офлайн-инициатив, значительно расширился репертуар мероприятий, стали подниматься новые вопросы в рамках ЛГБТК-сцены. Поэтому ключевыми исследовательскими вопросами стали следующие: как организовано пространство ЛГБТК-активизма в России, кто в него вовлекается и какие действия реализует? Как выстраивается повестка ЛГБТК-активизма — конфликты и солидарности? Исследование ЛГБТК-сообщества в статье проводится на примере Санкт-Петербурга.

Теоретические основания

Молодежь оказывается в особом положении, поскольку находится внутри различных дискурсов: образования, семьи, работы [Омельченко, 2004: 144]. Молодежь часто рассматривается как промежуточная и незащищенная группа, нуждающаяся в разного рода поддержке и контроле. Отношение к молодежи может меняться от позитивного, потому что она связана с будущим страны и надеждами на лучшее, до негативного, так как ассоциируется с опасностью, непредсказуемостью и неуправляемостью [Омельченко, 2004].

При изучении совместной деятельности ЛГБТК-людей в европейском и американском контексте исследователи используют категорию «социальные движения» Г. Блумера. Автор пишет о «социальном движении» как о группе людей с общей целью. Все участники работают на то, чтобы достичь общую цель [Блумер, 1994]. Также важно дополнить, что категория «социальных движений», или «коллективного действия», не учитывает возможные индивидуальные действия и практики ЛГБТК-людей. Разнообразие способов действия и бездействия также может не учитываться при использовании этой теоретической концепции. Однако данная концепция лишь отчасти может быть полезной для анализа российской жизни.

В данной работе ключевым является концепт молодежной культурной сцены [Bennet, Kahn-Harris, 2004; Straw, 2002]. Используя сценочный подход для анализа молодежных активностей, можно уделять внимание не только актерам и практикам в рамках сцены, но и пространствам, где (не)происходят взаимодействия, тем самым добавляя новое измерение, которое существенным образом насыщает исследование [Пилкингтон и др., 2004]. Именно концепт молодежных культурных сцен учитывает все важные для работы измерения. Концепт сцены определенным образом структурирует опыт: «граница, очерчивающая сцену, определяется отношением сцены к повседневной жизни» [Kahn Harris, 2004: 111]. В исследованиях российских молодежных сцен «термин *субстанция* используется для обозначения эмоциональных, близких связей, которые вытекают из общих культурных практик внутри группы, независимо от того, какой характер эти группы имеют — временный или постоянный, связан с альтернативной сценой или мейнстримом» [Омельченко, 2013: 59]. Именно общение занимает центральное место в формировании связей внутри сцены. Концепт сцены помогает увидеть разные включенные группы и круги, которые образуют и поддерживают существующие границы. Также важно заметить не только тех, кто на сцене, но и тех, кто оказывается вне сцены и наблюдают за участниками.

Использование концепта сцены помогает, на наш взгляд, точнее решить задачи исследования, кроме того, этот подход наиболее адекватен российскому контексту и отражает специфику, в рамках которой существует современная ЛГБТК-сцена. Для реализации задач исследования важно было включить не только «активных» и появляющихся в публичных местах ЛГБТК-людей, но и дружественных гетеросексуалов, и ЛГБТК-людей, находящихся в тени. Они могут никак себя не проявлять, но при этом входить в состав ЛГБТК-сцены. Стремление охватить разные круги и кластеры сцены отвечает гуманистической перспективе подобного исследования, реализуясь через внимание ко всему разнообразию и многогранности, которую предлагает нам социальная реальность.

Методы

Исследование ЛГБТК-активизма проводилось в Санкт-Петербурге — мегаполисе, с одной стороны, принимающем и позволяющем реализовывать разные образы жизни и идентичности, с другой — на политическом уровне проявляющем крайний уровень гомофобии (Санкт-Петербург стал одним из первых субъектов Российской Федерации, в котором был принят закон на городском уровне, еще до федерального закона). Исследование проводилось в рамках методологии кейс-стади, предполагающей включенное наблюдение, интервью и анализ онлайн-активности сообщества. Эмпирическую базу кейса составляют 14 глубинных интервью с ЛГБТК-активистами и 16 дневниковых записей. Данные собирались с октября 2016 г. по февраль 2017 г. в Санкт-Петербурге. Было проведено 58 часов включенного наблюдения. Во время наблюдения я вовлекалась в различные виды деятельности в рамках ЛГБТК-сцены в Санкт-Петербурге и принимала участие в работе групп и организаций в качестве волонтера и слушателя.

Интервью (длительность интервью от 52 до 142 минут) проводились с представителями ЛГБТК-сцены в возрасте от 18 до 37 лет (18—20 лет — 3 человека, 21—30 лет — 7 человек, 31—40 лет — 4 человека). Такой большой разброс в возрасте объясняется вовлеченностью активистов разных поколений в жизнь ЛГБТК-сцены в Санкт-Петербурге. Для реализации задач исследования было важно включить несколько интервью с активистами, действующими в сообществе длительное время. Интервью были взяты не только у «активных» и появляющихся в публичных местах ЛГБТК-людей, но и у «бывших» активистов, и ЛГБТК-людей, находящихся на периферии активизма. Они могут особо себя не проявлять, но при этом также входят в состав ЛГБТК-сцены.

Информантов, принявших участие в исследовании, можно отнести к среднему классу, исходя из их образовательного статуса и текущей занятости (например, волонтер, студент, аспирант, преподаватель иностранных языков, врач-реаниматолог). При указании пола информанта учитывалась самоидентификация и то, в каком роде информант предлагает к себе обращаться. Гендерные идентичности участников ЛГБТК-сцены, с которыми были взяты интервью: мужчина, женщина, небинарный человек и трансгендерный человек. Информанты с бигендерной или агендерной идентичностью в выборку не попали. Религиозные убеждения участников исследования были разнообразны: атеист, агностик, католический священник, православный.

При анализе возможностей доступа в поле учитывалось, какие ЛГБТК-инициативы существуют в городе, предполагалось, что можно будет начать с них. Так я узнала о ЛГБТК-фестивалях осенью 2016 г., и это был первый выход в поле. Ключевую роль в установлении контактов сыграла первая встреча-наблюдение. Постепенно со стороны информантов ко мне выработалось доверительное отношение. Через месяц стали появляться контакты с информантами, которые не относились к ЛГБТК-организациям, а вели индивидуальную активистскую деятельность, что открыло доступ в новую часть сцены, закрытую до этого. Также поиск информантов осуществлялся по социальным сетям исследователя и методом снежного кома, когда уже принявшие участие в исследовании информанты предлагали контакты других людей в рамках сцены. Важно отметить, что точек входа в поле

было несколько, что позволило собрать уникальный материал, касающийся пространства ЛГБТК-активизма в Санкт-Петербурге.

Структура поля ЛГБТК-активима, направления деятельности и иерархии

ЛГБТК-сцена в Санкт-Петербурге представляет собой мозаику, которая собирается из разных инициативных групп, организаций, независимых активистских групп. Объединяющим фактором является осознание необходимости вести ту или иную деятельность для улучшения жизни ЛГБТК-людей в современной России:

«Если брать сплоченность... возникает в результате каких-то, каких-то агрессивных законов и так далее. Каких-то законопроектов, которые этот бешеный принтер начинает, вот. Тогда начинаются какие-то общие действия разных организаций. Ну, а в целом каждый занимается чем-то своим, гнет свою линию, это про активную часть» (инт., № 5, ж., 30 лет).

Несмотря на некоторую сплоченность сцены, ее участники рассредоточиваются, исходя из выбираемых методов действия, степени (не)формальности и целей активизма. Помимо организованных групп, инициатив и НКО, значимыми участниками пространства ЛГБТК-активизма являются «независимые активисты» — группа людей, которые официально не принадлежат ни к одной организации. Сегмент независимого активизма в рамках ЛГБТК-сцены достаточно узкий, исходя из этого, практически все независимые активисты знакомы друг с другом. Чаще всего они становятся организаторами и участниками публичных акций. «Независимость» активизма заключается в том, что у участников нет необходимости согласовывать цель, метод и форму акции с другими (коллегами, руководителями), как это происходит в ЛГБТК-организациях, тем самым они получают свободу действия. В то же время все возникающие риски, такие как возможные задержания, физические нападения и психологическое давление, они берут на себя.

Интернет является большой площадкой для взаимодействия активистов и формирует отдельное пространство «интернет-активизма». Многие ЛГБТК-активисты регулярно освещают в интернет-пространстве свою деятельность или деятельность организаций, в которых состоят. Фактически интернет-пространство расширяет возможности публичного активизма, предоставляя ему новую и более масштабную площадку. Но в то же время есть вероятность изолированности интернет-активизма в случае, когда аудитория блога, интернет-сообщества или сайта превращается в замкнутую группу.

Кроме активных участников сцену конституируют и ЛГБТК-люди и им сочувствующие, находящиеся в тени и выступающие потребителями мероприятий и интернет-контента.

ЛГБТК-активисты солидаризируются с другими гражданскими группами. Одна из важных для ЛГБТК-направлений сотрудничества и построения горизонтальных связей — низовая феминистская сцена Санкт-Петербурга. ЛГБТК и феминистки используют общие пространства под мероприятия, иницируют семинары и дискуссии с представителями обеих сцен, совместно участвуют в акциях. Однако, несмотря на намерения консолидации сил и взаимного развития, эти пространства существуют достаточно автономно, поддерживают свои границы и не всегда приходят к консенсусу. Другая группа, с которой ЛГБТК-активисты стараются

развивать и поддерживать отношения, — «Зеленые», становящиеся ресурсом для ЛГБТК в ситуации городских массовых шествий и мероприятий, поскольку готовы принимать участников сцены в своей зеленой колонне.

Вовлекаясь в ЛГБТК-активизм, в большинстве случаев на основе личного опыта притеснения и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, индивиды выбирают для себя различные способы реализации активизма. Так, можно выделить два ключевых направления работы — сервисный и публичный активизм. Сервисный активизм чаще работает с самим ЛГБТК-сообществом, и большая часть деятельности сконцентрирована внутри сцены. Основные направления — оказание психологической и юридической помощи ЛГБТ-людям, организация культурных/образовательных/развлекательных мероприятий. К сервисному активизму также относят центры, оказывающие профилактику ВИЧ, осуществляющие медицинскую и информационную поддержку ВИЧ-инфицированных людей.

Публичный активизм — это уличные акции, пикеты, перформансы и митинги, цель которых заключается в привлечении внимания к актуальным для ЛГБТК-сообщества проблемам. Через публичные акции, с одной стороны, доносятся идеи равноправия и толерантности до всего общества, с другой стороны, формируется солидарность внутри сообщества через демонстрацию достоинства и гордости принадлежности «своим», в том числе находящимся в тени участникам ЛГБТК-сообщества. Вовлеченные в публичный активизм убеждены, что изменения возможны только при совершении регулярных публичных действий: *«Понимаешь, страшно — задержат, но еще страшнее жить вот в такой ситуации дальше»* (инт., № 3, ж., 20 лет).

В то же время ЛГБТК-активизм различается по степени институционализации и стабильности. Так, часть активистов работают независимо и на свои деньги, часть — в организациях на оплачиваемых ставках, а часть — волонтеры на финансируемых проектах (имеют основную занятость и доход вне сцены, но не вкладывают финансовые ресурсы в ЛГБТК-деятельность). При этом отношение к волонтерству противоречивое. С одной стороны, волонтерство рассматривается как важный этап в рамках индивидуальных биографий, развития гражданского активизма в пространстве ЛГБТК:

«...Волонтеры [мероприятие] — это какая-то вообще отдельная раса людей, ну, то есть, для многих это вхождение в активизм. Так же, как и волонтеры [название организации], вообще вот такие мероприятия, помимо того, что они какую-то информацию дают, они очень объединяют. Ну, я тоже пришла в активизм, потому что я волонтерила на фестивале, да» (инт., № 1, ж., 22 года).

С другой стороны, волонтеры воспринимаются как временные, не очень надежные и потому несерьезные сотрудники и соратники:

«Там сейчас люди состоят, которые давным-давно в этих волонтерах. Они просто ходят туда, когда у них есть свободное время. А новенькие приходят — типа когда с [название мероприятия], которые решили: «А ну давай-ка я что-нибудь поделаю». Но более-менее серьезные правозащитники этим уже не занимаются» (инт., № 2, м., 19 лет).

Иерархия в пространстве ЛГБТК-активизма выстраивается на основании важности деятельности для ЛГБТК-сообщества с точки зрения самих активистов. Так,

уважение заслуживают активисты, создающие рисковые, но эффективные акции, получающие широкий общественный резонанс. Также лидерами внутри сцены считаются наставники, курирующие большие волонтерские команды фестивалей, пикетов и митингов. Формальные руководители организаций зачастую не получают активистского признания, поскольку маркируются не как «настоящие активисты», а как обычные индивиды, просто работающие за плату.

Также существует иерархия организаций по выделяемому финансированию, так как в Санкт-Петербурге часть ЛГБТК-организаций получают поддержку, но объемы этой поддержки варьируются. Исходя из этого возникают конфликты между лидерами организаций, а в дальнейшем — и сотрудников организаций между собой о «нечестном» распределении средств между организациями или о том, на что необходимо тратить выделенные деньги. Так, практически все информанты, задействованные в публичном активизме, считают, что ЛГБТК-организации тратят деньги, выделяемые на сообщество, не туда, куда необходимо.

При этом важно отметить, что среди активистов нет общего, разделяемого всеми представления о том, что такое ЛГБТК-сообщество. Одни говорят, что ЛГБТК-сообщество подразумевает объединение людей всех гендерных идентичностей и ориентаций. Другие полагают, что единого ЛГБТК-сообщества нет, и существование сообщества является результатом активистской работы, а не условием.

Таким образом, можно сказать, что поле ЛГБТК-активизма в Санкт-Петербурге представляет собой гетерогенное пространство организаций, инициатив, мест, направленных на различные группы людей с «неконвенциональной» сексуальной и гендерной идентичностью. При этом ЛГБТК-активисты выстраивают солидарные связи с другими инициативами и движениями гражданского сектора. Вовлекаясь в активизм, индивид не только выбирает форму участия (формальное место работы, волонтерство или независимая деятельность), но и направление своей деятельности (ориентация на работу внутри сообщества или вне его). Основные иерархии внутри ЛГБТК-сцены связаны с признанием и распределением финансирования.

Конфликты и солидарности в пространстве ЛГБТК-активизма

ЛГБТК-активизм представляет собой пространство периодически возникающих внутренних и внешних конфликтов. Это приводит и к пересмотру повестки, актуальной для ЛГБТК-сообщества, к критической оценке действия друг друга, и поискам новых солидарностей и консенсусов:

«Мне кажется, люди просто по-разному видят, как нужно добиваться улучшения ситуации, постоянно об этом спорят и из-за этого друг друга не любят. Я не понимаю, мне кажется, это абсурдно. По типу какие-нибудь люди из [Название организации] там не любят [Название организации], потому что они считают, что как бы они работают там, но их не видно, нужно выходить, привлекать внимание. И вот как бы акции — это наше все. Вот» (инт., № 4, жен., 22 года).

Основная доля противоречий, внутренних конфликтов и осуждений связана с четырьмя направлениями: статус сексуальности, публичные акции, контроль и подотчетность организаций/инициатив, гендерные и сексуальные идентичности.

Одно из главных направлений разногласий внутри всей ЛГБТ-сцены — это понимание сексуальности как приватного и частного, что должно оставаться в личном

пространстве индивида, и понимание сексуальности в контексте «личное есть политическое», подразумевающим актуализацию сексуальности как ресурса для политических изменений. Исходя из того, как активисты интерпретируют собственную сексуальную идентичность и сексуальность в целом, они относят себя к той или иной части ЛГБТК-сцены, для которой характерны определенные методы (без)действия. Так, воспринимающие сексуальность как личную и интимную составляющую жизни выбирают неучастие в публичных акциях, закрытую организацию лекций и встреч и развивают «теневую» зону ЛГБТК-сцены. Те же, кто воспринимает сексуальность как часть социального и политического режимов общества, переходят с организации качества повседневной жизни на уровень национальных/международных вопросов, таких как борьба с дискриминацией и стигматизацией, защита прав человека, признание разнообразия, и включаются в более широкую демократическую повестку.

Большая дискуссия выстраивается вокруг проведения публичных акций и мероприятий в целом. С одной стороны, с помощью таких методов, как флешмобы, акции, перформансы, участники сцены могут влиять на распространение информации о себе и выносить ЛГБТК-повестку в более широкие аудитории, а также способствовать развитию солидарности внутри сообщества:

«И когда мы выходим на улицу, мы выходим не ради того, чтобы нас увидели, там не знаю кто, и приняли какой-нибудь закон или не приняли. Мы выходим для того, чтобы нас увидели свои же. Я выхожу для того, чтобы меня увидели» (инт., № 1, ж., 22 года).

С другой стороны, публичные акции и мероприятия критикуются с точки зрения невозможности в нынешних политических условиях в России обеспечить гарантированную безопасность участникам мероприятий как во время их проведения (например, риски ареста), так и после (например, преследование и насильственный аутинг):

«Если какие-нибудь будут коммуникации, я себя очень некомфортно чувствую, даже если они положительные или там отрицательные уж тем более, я даже не знаю, как себя вести. Вот, я не на столько боюсь каких-то нападений, потому что мне кажется, это очень маловероятно, с учетом того, что представление, что я девушка, как бы вряд ли на меня набросятся сразу с кулаками какие-то гомофобные люди. Но все равно какие-нибудь комментарии могут быть» (инт., № 4, ж., 22 года).

Другой сложный и конфликтный вопрос, во многом связанный с вышеизложенным, это вопрос контроля и подотчетности. В рамках внутренних дискуссий активистов проблематизируется монополизация теми или иными организациями или активистами деятельности в сфере защиты прав людей с ненормативной гендерной или сексуальной идентичностью. Так, организация, объединяющая верующих гендерно и сексуально неконформных людей, заявила о своем выходе из числа участников активистской сети в связи с необходимостью отчитываться. Дискуссии вызывают и несогласованные с другими участниками городской сцены действия активистов.

Все чаще в ЛГБТК-сообществе Санкт-Петербурга обсуждаются новые в российском контексте гендерные идентичности: интерсекс, асексуал, люди с небинарными гендерными идентичностями. С одной стороны, в рамках ЛГБТК-сцены возникает дискуссия про привилегированное положение одной части сообщества и угнетенное положение другой. Основываясь на анализе интервью и включенном

наблюдении, можно сказать, что существует напряжение между людьми с небинарными гендерными идентичностями и цисгендерными людьми. Бинарные трансгендерные люди практически так же, как и цисгендерные гомосексуальные люди, обвиняются в общекультурном привилегированном положении по отношению к «новым» идентичностям, монополизировании говорения и действия в рамках сцены, игнорировании специфики и проблем небинарных, квир и т. п. людей:

«Да, после последнего [название мероприятия], там еще подливало масло в огонь то, что тот же [имя] своей нелюбовью ко всему, что квир, как бы... точнее противник этого слова, противник небинарных трансгендеров, судя по всему, тоже очень сильно, ну, там и меня задело, ну то есть то, что он пишет — это, короче, довольно тяжело. Вот. То есть у него статья есть типа: «Квир должен умереть», короче, вот». (инт., № 12, м., 23 года).

С другой стороны, за счет размытого определения квир-идентичности или небинарной гендерной идентичности усложняется процесс формирования общей и универсальной активистской позиции. И люди с небинарной гендерной идентичностью обвиняются в размывании границ движения и невключении в активизм:

«А-а, вот [Название организации] сейчас начал на очередную очень модную европейскую тему небинарные идентичности, да. Небинарные идентичности для России точно так же, как квир-теория, — это сугубо философски, да, и совершенно не вопрос практики, да» (инт., № 11, м., 31 год).

Гетерогенность поля ЛГБТК-активизма, присутствие индивидов и инициатив с различными интересами, целями, идентичностями приводит к сложности в формулировании универсальной и консенсусной повестки. Несмотря на наличие неких общих представлений об общих задачах — борьбе с дискриминацией и за права ЛГБТК-людей, ЛГБТК-сцена конституируется скорее через рефлексивное, зачастую конфликтное обсуждение принципиальных для сообщества вопросов.

Представления участников об эффективности ЛГБТК-активизма в Санкт-Петербурге

Участников поля ЛГБТК-активизма в Санкт-Петербурге объединяет борьба с разными формами дискриминации. Несмотря на это активисты ставят перед собой множественные цели, выбирая различные средства их достижения, прибегая к коллективным действиям разного рода. И, как следствие, по-разному оценивают эффективность своих и активистских в целом практик.

Часть ЛГБТК-активистов считают свои действия эффективными, если происходит укрепление сообщества. Чувство гордости и ощущение единения — это состояние, которое становится для активистов целью проведения и участия в акциях и мероприятиях:

«И когда мы выходим на улицу, мы выходим не ради того, чтобы нас увидели, там не знаю кто, и приняли какой-нибудь закон или не приняли. Мы выходим для того, чтобы нас увидели свои же. Я выхожу для того, чтобы меня увидели» (инт., № 1, ж., 22 года).

Эффективность оценивается и через повышение уровня осознанности среди участников сообщества, и через улучшение состояния человека в каждой отдельной ситуации. Предложение конкретных решений проблем и уход от уровня абстрактных целей в ЛГБТК-сцене рассматривается рядом участников как возможность достичь изменений в настоящем или ближайшем будущем:

«Интервьюер: А что, на твой взгляд, эффективнее, если можно так сказать?»

Информант: Формирование комфортной среды, чтобы не доказывать, что мы такие, мы есть. А формировать сообщество тех, кто понимает, принимает и тому подобное, да, где комфортно. Но для этого нужно сделать огромный объем работы над сообществом в целом, да. Потому что нужно сделать так, чтобы в сообщество хотелось вливаться» (инт., № 14, м., 34 года).

Желание формировать комфортную среду и безопасное пространство связано как с опытом задержания, так и с опытом психологического давления и дискриминации по признаку гендерной идентичности и сексуальной ориентации. Например, информант старается не взаимодействовать с трансгендерными мужчинами для создания комфортной среды:

«Ну, это сложный вопрос. Ну, то есть мне никогда не было комфортно в этих гендерных рамках, у меня были проблемы с контактом с телом по разным причинам, ну... Мне не хочется менять маркер в паспорте, например. Мне не будет очень комфортно, если меня будут воспринимать сразу как мужчину, я не чувствую себя безопасно в мужском пространстве совершенно. Мне совершенно не хочется взаимодействовать... с мачистской культурой, с патриархальной культурой. Это мне не близко» (инт., № 13, м., 26 лет).

Информант с единомышленниками проводят еженедельные встречи, где в безопасном пространстве можно обсудить все вопросы, связанные с «новыми» гендерными идентичностями и сексуальностью. В данном случае под безопасным пространством понимается отсутствие трансгендерных мужчин, так как заранее предполагается возможность конфликта.

Широкое освещение акции в СМИ является критерием успешности для участников сцены, вовлеченных в публичный активизм. Мероприятия проводятся с целью попасть в СМИ с максимальным охватом. В критерии успешности/неуспешности включается и представление о безопасности. Так, организаторы ежегодных флеш-мобов воспринимают акцию как хорошо проведенную, если всем участникам удалось беспрепятственно прийти на акцию, быть на ней и уйти. Такое «спокойное» присутствие в публичном пространстве уже становится успешным. Количество людей, пришедших на мероприятие или фестиваль, само по себе показывает успешность акций, цель которых — просвещение. В то время как публичные независимые активисты оценивают эффективность своих действий так: чем больше внимания привлекла акция, тем лучше.

Если говорить о возможности изменений на общественном уровне, активисты в большей степени в них не верят, по крайней мере, в ближайшем будущем. Участники сцены говорят, что должно пройти определенное количество времени, и текущая политическая ситуация не способствует позитивным изменениям. Также одна из причин, по которой изменения, по мнению активистов, будут происходить достаточно медленно, — это страх и пассивность большинства ЛГБТК-индивидов, в том числе страх людей и сочувствующих ЛГБТК подключаться к мероприятиям, участвовать в акциях и создавать образовательные инициативы.

ЛГБТК-активисты оценивают свою эффективность по разным основаниям: и по количеству участников акции, по охвату СМИ, безопасности мероприятия. В развитии и укреплении сообщества эффективность оценивается через соли-

дарное реагирование на ту или иную проблему и оказание помощи конкретному человеку. Однако в целом активисты ЛГБТК-сцены не делают оптимистичных прогнозов и не предвидят скорых социальных изменений, которым препятствуют и государственная политика, и культурные коды большинства, и страх и пассивность рядовых представителей самого ЛГБТК-сообщества.

Заключение

Продвижение консервативной идеологии, риторика «традиционных ценностей» и регулирование сексуальности, в том числе и законодательное, в современной России приводят к проблематизации ЛГБТК-сообществ и гендерно «неконвенциональных» идентичностей и к почти полному исключению их из публичного пространства. Однако такое давление на негетеросексуальных индивидов стало стимулом для объединений ЛГБТК-активистов и развития ЛГБТК-инициатив.

Пространство ЛГБТК-активизма в Санкт-Петербурге включает организации, инициативы и места, направленные на различные группы людей с «неконвенциональной» сексуальной и гендерной идентичностью. Инициативы ЛГБТК-сцены имеют целью как развитие и поддержание самого сообщества, так и трансформацию культурного и социального порядка, определяющего положение ЛГБТК-индивидов.

Гетерогенность ЛГБТК-активизма приводит к сложности в формулировании универсальной и консенсусной повестки. ЛГБТК-сцена конституируется скорее через рефлексивное, зачастую конфликтное обсуждение принципиальных для сообщества вопросов статуса сексуальности, публичных акций, власти и иерархии, а также новых сексуальных и гендерных идентичностей.

Различные конфигурации организационной принадлежности, наличествующего символического капитала и признания, финансовых возможностей и идентичности инициативы/активиста задают иерархию внутри сцены, определяющую ее в том числе и структурно, предоставляя одним участникам сцены право голоса и возможность выступать от лица сообщества и, условно говоря, забирая голос у «других». Например, идентичность «независимого» активиста или статус цисгендерного человека предоставляет право публично говорить о проблемах ЛГБТК-сообщества в целом. В то время как люди с небинарными гендерными идентичностями чаще формируют более локальные группы и объединения, где в приватной и закрытой обстановке делятся ощущениями и переживаниями.

Тем не менее ЛГБТК-активисты солидаризируются перед лицом символического, психического и физического насилия и принуждения как со стороны государства и социальных институтов, так и со стороны гомофобно настроенного населения. Ответом на социальное исключение становится борьба за права ЛГБТК-людей. Публичные акции и участие в них становятся своего рода каминг-аутом как для активистов, так и для сообщества. Вынесение ЛГБТК-вопросов в публичное пространство является важным элементом развития гражданского общества, несмотря на все опасности и риски для участников.

ЛГБТК-активисты оценивают эффективность своих действий по-разному, например, успешной считается как публичная акция, которая привлекла высокотиражные СМИ, так и мероприятие, прошедшее без каких-либо психологических и физических последствий для участников. В условиях гетерогенности пространства

успешными и эффективными считаются действия, позволившие консолидировать и мобилизовать сообщество. В целом на данном этапе более высокая эффективность признается за локальной активностью, направленной на поддержание членов сообщества. Вероятность изменений на структурном уровне рассматривается в далекой временной перспективе.

Список литературы (References)

Блумер Г. Коллективное поведение / Американская социологическая мысль. М. : МГУ. 1994. С. 168—215.

Blumer H. (1994) Collective Behavior. In: American sociological thought. Moscow: MSU. P. 168—215.

Лапина В. Нетворкинг российских ЛГБТ-организаций в условиях политического гетеросексизма: принципы категоризации активистов // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред. сост. А. А. Кондаков. СПб. : Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 166—183.

Lapina V. (2014) The Networking of Russian LGBT Organizations under Political Heterosexism: Principles for Categorizing Activists. In: On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies. A. Kondakov (ed.). St. Petersburg: Center for Independent Sociological Research. P. 166—183. (In Russ.)

Пилкингтон Х., Омельченко Е., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. СПб. : Алетейя. 2004.

Pilkington, H., Omelchenko E., Flynn M., Blyudina U., Starkova E. (2004). Looking West: Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. / Trans. from Eng. by O. Oberemko, U. Blyudina. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск : Изд-во «Симбирская книга», 2004.

Omelchenko E. L. (2004) Youth: open question. Ulyanovsk: Publishing house «Simbirsk book». (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52—61.

Omelchenko E. L. (2015) The Solidarities and Cultural Practices of Russia's Young People at the Beginning of the Twenty-First Century: theoretical context. *Sociological Studies*. No. 10. P. 52—61. (In Russ.)

Соболева И., Вахметьев Я. Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «пропаганды гомосексуализма» // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 217—232.

Soboleva I., Vaxmetiev Ya. (2014) "I Was Basically Kicked off": Reaction of LGBT on the "Prohibition of Homosexuality Propaganda". *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 217—232. (In Russ.)

Созаев В. ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере // Гендерные исследования. 2010. № 20—21. С. 90—126.

Sozaev V. (2010) LGBT movement in Russia: a portrait in the interior. *Gender Studies*. No. 20—21. P. 90—126. (In Russ.)

Шульга Р. Возможные стратегии ЛГБТ-движения в России в условиях репрессивной политики властей // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квин-исследований. СПб. : Центр независимых социологических исследований. 2014. С. 116—132.

Shulga R. (2014) Possible Strategies for the LGBT Movements in Russia under a Repressive Official Policy Regime. In: *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Ed. by A. Kondakov. St. Petersburg: Centre for Independent Social Research. P. 116—130. (In Russ.)

Bennett A., Kahn-Harris K. (2004) *After subculture: Critical studies in contemporary youth culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Kahn-Harris K. (2004) “Unspectacular Subculture”: Transgression and Mundanity in the Global Extreme Metal Scene. In: *After Subculture: Critical Studies in Subcultural Theory and Research*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 107—118.

Kelly M., Lubitow A. (2014) Pride at Work Organizing at the Intersection of the Labor and LGBT Movements. *Labor Studies Journal*. Vol. 39. No. 4. P. 257—277. <https://doi.org/10.1177/0160449X14567806>.

Stella F. (2007) The right to be different? Sexual citizenship and its politics in post-Soviet Russia. In: *Gender, equality and difference during and after state socialism*. R. Kay (eds). London: Palgrave Macmillan. P. 146—166.

Straw W. (2002) Scenes and sensibilities. *Public*. Vol. 22. No. 23. P. 245—257.